

УДК 165.7

DOI: 10.17223/1998863X/45/24

Т.Д. Соколова

ИЗМЕНЕНИЕ, ПОВТОРЕНИЕ И ИСТОРИЯ

Рассматриваются историческая эпистемология и историческая онтология с точки зрения связки эпистемология – онтология (метафизика) в истории философии и объяснения изменений в научной практике. В контексте истории философии делается попытка выявить возможные дальнейшие варианты развития дискуссий в рамках эпистемологии и онтологии.

Ключевые слова: историчность, эпистемология, мета-философия, история философии.

В статье О.Е. Столяровой поднимается ряд значимых для философии фундаментальных проблем, поиск ответов на которые занимал лучшие умы человечества на протяжении практически всего периода развития познания, хотя и не всегда в явном виде. Рискнем и мы внести свой посильный вклад в это как никогда актуальное обсуждение. В контексте проблемы генетической связи исторической эпистемологии и исторической онтологии представляется важным рассмотреть два аспекта: (1) соотношение или взаимоотношение эпистемологии и онтологии и (2) философскую рефлексию над изменением познавательных практик (в наиболее широком смысле) в науке. Однако при этом я постараюсь включить историческую эпистемологию (и онтологию вместе с ней) в более широкий контекст философских дискуссий, которые на первый взгляд не имеют никакого отношения к данным дисциплинам.

Вопрос о соотношении (или взаимоотношении) эпистемологии и онтологии (или метафизики, в данном случае я использую эти понятия в качестве синонимов) действительно является, как на это указала О.Е. Столярова, точкой напряжения. При обращении к дискуссиям философов о порядке и критериях познания, его основах и принципах можно выделить целый ряд периодов, когда эпистемология и онтология функционировали как единое целое либо, наоборот, расходились. В особенно явной форме эти дискуссии проявили себя в XIX и XX вв., когда вопрос о статусе научного познания приобретает новые очертания. Если раньше философия шла бок о бок с наукой, то рост количества научных дисциплин, их бурное развитие и обособление поставили под сомнение саму функцию философии как некоей обобщающей науки наук, разрабатывающей универсальные правила и критерии познания [1. Vol. 1. P. 16–50]. Классическая эпистемология пыталась выявить или сконструировать набор универсальных методов, правил и критериев познавательного процесса, которые были бы неизменны и не зависели от социальных обстоятельств, психологических особенностей познающего субъекта, возможных искажений, привносимых в познавательный процесс как чувственным опытом, так и ошибочными теоретическими построениями.

Как верно отмечает О.Е. Столярова, историческая эпистемология в данном контексте является одним из ответов на классическую эпистемологию,

т.е., по сути, некую универсальную рациональность, избавленную либо стремящуюся избавиться от всех возможных когнитивных искажений, которая раз и навсегда устанавливает необходимые и универсальные правила и нормы познавательного процесса. Поворот к историчности или даже историоризации данных правил и норм, демонстрация на примерах из истории науки изменчивости критериев познания является одной из возможных объяснительных моделей того факта, что научное познание вышло за пределы механики Ньютона и геометрии Евклида, в рамках которых, собственно, и развивалась классическая эпистемология [2. С. 42–46].

По моему мнению, именно теоретический вызов объяснения реального развития познавательных практик в науке сформировал новые (неклассические) подходы в эпистемологии [3. С. 18–28]. На первый взгляд дело выглядит так, что философия, заигравшись созданными ей же самой правилами и критериями познания, не заметила, что остальные науки прекрасно развиваются и без ее чуткого руководства, а когда ей на этот факт указали, занялась тем, что современные психологи обозначают термином *self-harm*.

Связка эпистемология – метафизика здесь первой попадает под удар. Если ранее речь шла о некоей «правильной», «подходящей» или «научной» метафизике, то отныне метафизике отводится либо роль до-научного (т.е. более примитивного) взгляда на мир, либо она вовсе объявляется бессмысленной. Позитивизм, индуктивизм, прагматизм, логический эмпиризм – все наиболее влиятельные эпистемологические тренды XIX–XX вв. так или иначе стремились разрушить связь онтологии и эпистемологии, предложить такую версию развития познания, которая не требовала бы никаких метафизических допущений. Историческая эпистемология (по крайней мере, в ее изначальной версии) точно так же следует этому антиметафизическому тренду [4. Р. 920–963].

В борьбе за то, кто будет устанавливать общие (если таковые вообще имеются) и частные правила и критерии познания для отдельных научных дисциплин, философия не только уступает наукам, но и признает для самой себя необходимость если не следовать уже готовым научным методам, то хотя бы адаптировать их для своих целей. И раз уж одной из основных целей является объяснение изменения познавательных правил, то обращение к истории здесь представляется вполне логичным: нужно найти тот момент (или моменты) изменения, установить их причины и следствия. Отправной точкой такого поиска становится современное философу положение дел в интересующей его дисциплине (как правило, математике, физике, химии и биологии) [5. Р. 137–155]. При этом (и здесь я позволю себе не согласиться с О.Е. Столяровой) историчность заключается не в установлении некоей последовательности событий, а в концептуализации ключевых моментов исторического развития дисциплины, ее основных понятий и теорий, для представления *прогресса* дисциплины от ее зарождения до современного состояния, с позиций которого и выносятся суждения о прогрессе, установления эпистемологических «разрывов» и «препятствий» на пути этого прогресса, в том числе установление меры рационального (т.е. непосредственно научного) и метафизического в данной дисциплине [6. Ch. I–IV, XI]. В таком виде историческую эпистемологию можно условно обозначить как своего рода рациональную реконструкцию истории науки, которая призвана заменить собой метафизику, став новой опорой для философии.

Основным теоретическим недосмотром, на мой взгляд, здесь становится отсутствие проблематизации исторических исследований¹. Сама по себе история тоже является научной дисциплиной, со своими методами, направлениями, трендами и теоретическими затруднениями. Закономерным было бы задать вопрос: относятся ли к истории как научной дисциплине те же разрывы и препятствия (раз уж мы выбрали башляровскую терминологию)? Приущ ли ей прогресс точно так же, как и другим научным дисциплинам? И в случае утвердительного ответа на данные вопросы: какие последствия будут для самой философии?

Второе важное теоретическое следствие, отмеченное О.Е. Столяровой, – это релятивизация эпистемологии (а впоследствии и онтологии) и вместе с тем невозможность обоснования изменения (или перехода) от одних познавательных принципов к другим. То есть философ оказывается в некоем созданном им самим теоретическом вакууме между набором познавательных принципов А и набором познавательных принципов Б, где крайне затруднительно вынести какое бы то ни было суждение относительно самого перехода. И в этом смысле историческая онтология находится в еще более затруднительном положении, чем историческая эпистемология (по крайней мере в той из ее версий, которая сознательно отказывается от онтологии, вынося ее в сферу ненаучного).

В то же время тренд последних десятилетий на возвращение онтологии и признание за ней статуса философской дисциплины может представлять собой своего рода возвращение на новом теоретическом уровне классической философии, где онтологические принципы часто (хотя и не всегда) становились теоретической основой для эпистемологических принципов [8. Р. 157–171]. Является ли этот тренд альтернативой историоризации эпистемологии и онтологии, своего рода работой над ошибками, попыткой философии вернуть себе прежний статус науки всех наук в условиях конструктивистского поворота [9. Р. 3–37]? Или, напротив, философия оказалась настолько бесплодной в поисках новых теоретических оснований, что обреченно повторяет самое себя? Стоит ли нам ожидать, вместе с возвращением онтологии, возвращения концепций универсальной рациональности в качестве ответа на историоризацию философии? Так или иначе, следующий ход в этой игре за эпистемологами.

Литература

1. Whewell W. The Philosophy of the Inductive Sciences, founded upon their history. London, 1847. Vol. 1.
2. Шашлова Е.И. О значении исторической эпистемологии для современной философии науки // Эпистемология & философия науки. 2017. Т. 51, № 1. С. 42–46.
3. Шуповалова Л.В. Стоит ли науку мыслить исторически? // Эпистемология & философия науки. 2017. Т. 51, № 1. С. 18–28.
4. Braumstein J.-F. Bachelard, Canguilhem, Foucault. Le «style français» en épistémologie // Les philosophes et la science. Paris : Gallimard, 2002. P. 920–963.
5. Bachelard G. L'actualité de l'histoire des sciences // L'engagement rationaliste. Paris : PUF, 1972. P. 137–155.
6. Bachelard G. La formation de l'esprit scientifique: contribution à une psychanalyse de la connaissance. Paris : VRIN, 2004.
7. Sturm T. Historical Epistemology or History of Epistemology? The Case of the Relation Between Perception and Judgment // Erkenntnis. 2011. Vol. 75. P. 303–324.

¹ О взаимоотношении исторической эпистемологии и истории эпистемологии, а также возможных способах решения их конфликта (в случае признания) см.: [7. С. 308–309 и далее].

8. Kasavin I.T. David Hume. Paradoxes of Knowledge *Voprosy Filosofii*. 2011. Iss. 3. P. 157–171.

9. Pruzhinin B.I. et al. Constructivism in epistemology and sciences about the person (a round-table discussion) // *Voprosy Filosofii*. 2008. Iss. 3. P. 3–37.

Tatiana D. Sokolova, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: sokolovtad@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 45. pp. 222–225.

DOI: 10.17223/1998863X/45/24

CHANGE, REPETITION AND HISTORY

Keywords: historicity; epistemology; meta-philosophy; history of philosophy.

The paper is part of the discussion initiated by Olga Stoliarova's article "Historical Ontology as a Problem", where she points out some crucial issues considering the future development of both historical epistemology and historical ontology. Following Stoliarova's general claim on problematizing historical ontology, the author is trying to deduce some main tendencies from the vast variety of discussions on the theoretical basis and status of historical epistemology and ontology. In this context, an epistemologist, in the author's opinion, has to deal with two main problems. First, it is the epistemology-ontology (metaphysical) link within the history of philosophy. The widely understood "classic epistemology" presupposes a universal rationality and a scientific methodology, meanwhile historical epistemology offers a non-classic relativization of the basic epistemological principles. In this sense, historical epistemology (at least in its French version) finds itself in the trend of epistemological movements of the 19th and 20th centuries such as positivism and logical empiricism drifting towards the elimination of metaphysics as a theoretical platform for epistemology. The second main issue for both historical epistemology and its stepchild, historical ontology, covers the explanation of the changes within scientific practice. Paying attention to the process of change within scientific concepts, methodological approaches and the very principles of scientific investigation, the philosopher finds herself in a situation, where a set of epistemological principles B took the place of a set of epistemological principles A, but the process of this change rests mysterious and unexplained. That is why it requires a different epistemological approach. Here the trend of the recent decades towards the return of ontology can be considered as a kind of a return of classical philosophy on a new theoretical level, where ontological principles often (though not always) become the theoretical basis for epistemological principles. Anyway, the next theoretical step in this debate belongs to epistemologists.

References

1. Whewell, W. (1847) *The Philosophy of the Inductive Sciences, Founded Upon Their History*. Vol. 1. London: [s.n.].

2. Shashlova, Ye.I. (2017) On the meaning of historical epistemology for contemporary philosophy of science. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 51(1). pp. 42–46. (In Russian). DOI: 10.5840/eps20175116

3. Shipovalova, L.V. (2017) Should We Conceive Science Historically? *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology & Philosophy of Science*. 51(1). pp. 18–28. (In Russian). DOI: 10.5840/eps20175112.

4. Braunsstein, J.-F. (2002) Bachelard, Canguilhem, Foucault. Le "style français" en épistémologie [Bachelard, Canguilhem, Foucault. The "French style" in epistemology]. In: Wagner, P. (ed.) *Les philosophes et la science* [Philosophers and Science]. Paris: Gallimard. pp. 920–963.

5. Bachelard, G. (1972) *L'engagement rationaliste* [The Rationalist Engagement]. Paris: PUF. pp. 137–155.

6. Bachelard, G. (2004) *La formation de l'esprit scientifique: contribution à une psychanalyse de la connaissance* [The formation of the scientific spirit: contribution to a psychoanalysis of knowledge]. Paris: VRIN.

7. Sturm, T. (2011) Historical Epistemology or History of Epistemology? The Case of the Relation Between Perception and Judgment. *Erkenntnis*. 75. pp. 303–324. DOI: 10.1007/S10670-011-9338-3

8. Kasavin, I.T. (2011) David Hume. Paradoxes of Knowledge. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 157–171. (In Russian).

9. Pruzhinin, B.I. et al. (2008) Constructivism in epistemology and sciences about the person (a round-table discussion). *Voprosy filosofii*. 3. pp. 3–37. (In Russian).